

Город S. славился своим солнцем.

Хотя на южном побережье таких городов рассыпано много, вряд ли где ещё вы найдёте столь нежный песок и доброе море. А сколько здесь прекрасных женщин! И сильных мужчин. А эта атмосфера всепоглощающего праздника! В каком из прочих городов вы найдёте её?

Самым известным местом в городе несомненно считается Копыто Дьявола — два опасных выступающих над морем утёса, склоны которых изгибаются концами подковы и соединяются в высокую набережную. Набережная как бы обваливается десятком ступеней, спускающихся к морю, — это кривые каменистые насыпи, по которым очень неудобно гулять, а уж тем более купаться у этого участка суши. Поэтому пляж в Копыте всегда пустует. Зато с набережной открывается чудесный вид, особенно на закате. И именно поэтому здесь так много всевозможных кафе и ресторанчиков под открытым небом, которые берут приличные деньги за обслуживание, а скамейки на краю мостовой всегда забиты туристами и влюблёнными парочками, которые слетаются на местные закаты, как мухи на мёд.

Мы сидели в кафе, собирающем, пожалуй, наибольшее число посетителей. Оно покоилось на высокой террасе с разбегающимися во все стороны ступенями, и располагалось в самом центре набережной. Отсюда были видны оба утёса и величественный спуск, который с приближением вечера розовел и покрывался причудливыми тенями. Мы видели багровеющее море и ослепительный солнечный путь на нём, а так же всех проходящих мимо туристов.

Мой сосед, мой друг и товарищ, сидел по левую руку от меня и так же, как и я, смотрел на закат. Он потягивал ром из большой пивной кружки, улыбался своим мечтам и мыслям и долго хранил молчание.

Вы все хорошо знаете его книги, хотя имя, конечно же, вам ни о чём не скажет. Мастер эротической прозы, гений чувственности и поэзии тела — он писал под множеством псевдонимов, и лишь немногие знали его настоящее имя. А звали его Люк.

Он не умел принимать похвалы, и всё время отнекивался, мол на самом деле пишет не лучше грубого неотёсанного подростка, пристающего к портовым шлюхам, но мы (да и вы тоже) прекрасно знаем, насколько хороши его книги. Люк давно снискал признание и уважение коллег и читателей.

Мимо нас прошла молодая пара — девушка и парень, оба полуголые. В Городе S. такой наряд был обычным делом, и более странно смотрелись мы с Люком. На нас были надеты просторные гавайские рубахи и широкие шорты, головы венчались кепками, а бледные старые ступни болтались в сандалиях, — типичная униформа отдыхающих стариков. Вели мы себя большей частью тоже по-стариковски. И только Люк иногда выдавал нечто залихватское.

Вот и сейчас, глядя вслед удаляющейся паре, он с жаром воскликнул:

— Хороша чертовка! Замечательные у вас тут девушки...

— Что, — поддразнил я его, — во Франции таких красоток нет?

Люк удивлённо и даже немного обиженно посмотрел на меня:

— Таких? Нет.

Он быстро засобиравшись, расплатился за ром, и мне пришлось поспешить за ним. Мы побрели вслед за молодой парой, так и не дождавшись, когда солнце рухнет в расплавленные волны, а

последний луч осветит розово-алым серебристые клубы облаков у горизонта.

Но минуто спустя Люк немного успокоился и сбавил шаг, однако взгляд с упругой попки, маячившей далеко впереди, не сводил.

— Ты так это произнёс... — обиженно проворчал он, — Как будто во Франции живут одни уродины.

— Но ты же сам только что... — пытался протестовать я, но Люк меня перебил:

— Каждая нация — что там! — каждая женщина прекрасна по-своему. Француженки — утончённые, изящные, немного вычурные. Они похожи на фарфоровых кукол. Они интересны ровно настолько, насколько выглядят, и насколько хорошо соблюдают образ. А ваши девушки!..

— Дикие! — усмехнулся я.

— Простые, — возразил Люк, — Хотя я встречал простоту и во Франции. И дикость, кстати, тоже.

Как раз в это время мы проходили мимо пустующей беседки, пара завернула за угол и скрылась из вида, и тогда Люк сказал:

— Сейчас я тебе кое-что расскажу. Никому ещё я этого не рассказывал.

Мы вошли в беседку и уселись на лавочку, с которой открывался неплохой вид на один из утёсов Копыта Дьявола. Солнце висело теперь прямо над ним, всё быстрее устремляясь к морю. Мы дождались, когда оно коснётся вод, и Люк начал рассказ.

...Всё детство я провёл в маленьком городке близ Парижа, и сколько себя помню, непрестанно грезил о любви. А где ещё можно найти любовь, как не в самом романтическом городе на Свете?

Кое-как окончив школу, но уже более менее представляя, чем хочу заниматься (в то время я немного рисовал и пачками выдавал плохие стихи), я отправился в Париж и ценой нечеловеческих усилий поступил в университет на факультет искусствоведения. Не знаю, почему я избрал его.

К сожалению, жить в общежитии при университете мне совсем не нравилось. Хотя общежитие было смешанным, и кругом толпами ходили длинноногие красотки, я не мог выносить царящей кругом атмосферы бесконечного празднества; мне хотелось некоторого покоя, и я искал для съёма квартиру, или по крайней мере комнату при пансионе.

Мне повезло. Старый друг отца Жорж согласился сдать комнату в своей квартире за умеренную плату.

Квартира Жоржа была огромна. Входная дверь вела в просторную гостиную, из окон которой виднелся живописный парк; обе двери из гостиной выходили в светлый маленький коридорчик, откуда можно было попасть в любую из трёх спальных комнат, и — в единственную ванную, совмещённую с уборной. Все комнаты имели выходы на длинный, загибающийся по углу дома, балкон. Домочадцы чаще всего пересекались там, когда выходили полюбоваться на город, или покурить.

Помимо Жоржа в квартире жили его сын Кристоф и подружки Кристофа — Мария и Зоуи.

Последние недолюбливали друг друга, но почему-то терпели взаимную неприязнь. Никогда не понимал, чем Кристоф привлекал их, так, что они готовы были прощать ему всё, в том числе и других женщин. Помимо Марии и Зоуи Кристоф имел не одну дюжину поклонниц, время от времени появлявшихся в квартире.

А вот у меня подружки не было.

С переездом в Париж ровным счётом ничего не изменилось. Девушки не бросали на меня любопытных взглядов, не пытались флиртовать, а мой неловкий флирт пресекали испуганным, или чрезмерно серьёзным выражением лица. Приходилось сбрасывать сексуальное напряжение самому. В то время мастурбация весьма плотно вошла в мою жизнь. Маленький телевизор то и дело возвращал меня в объятия страстных шлюх и роскошных королев, девственниц и развратниц, нимфоманок и недотрог. Все женщины на экране были прекрасны. Я хотел каждую, и почти всё время пребывал в состоянии сексуального возбуждения. Я поселился в двух мирах: в мире сексуальных фантазий (который понемногу воплощался в неумелых рисунках, ужасных стихах и в первых заметках и очерках) и в мире реальном, где ни одна женщина не была моей.

Но однажды оба мира соприкоснулись.

Это случилось под вечер, когда солнце уже скрылось за низкорослыми домами, а небо укуталось пеленою плотных серых облаков. В квартирах зажгли свет, и город расцвёл мириадами тёплых осенних огней.

Вернувшись с учёбы, я наскоро перекусил и заперся у себя в комнате с кружкой горячего кофе, надеясь, кажется, что мне удастся собрать из моих заметок что-то похожее на рассказ. Однако, едва я приступил к разбору записей, до моих ушей донеслись тихие приглушённые стоны. Следом я услышал неясный стук в стену — в комнате Кристофа происходило что-то интересное.

Не знаю, что двигало мной в те минуты: может любопытство, может слабая надежда на приключение, — но я выбрался на балкон и тише, чем мышь, прокрался к комнате Кристофа. При ярком свете потолочной лампы Мария и Кристоф занимались..

Сложно назвать это любовью.

Мария лежала на спине — золотистые волосы расплескались по подушке и простыням, руки и ноги обвили худое и жилистое тело Кристофа. Его лысая голова устало покачивалась в этих золотистых волнах, скрывая от меня лицо Марии. Сам Кристоф как-то напряжённо и неестественно выгнулся, агрессивно дёргая бёдрами, запутавшись в переплетении нежных рук и перламутровых ног Марии. В качестве точки опоры он использовал спинку кровати, за витиеватую решётку которой держался обеими руками. И хотя Кристоф, в силу своей комплекции, весил не ахти сколько, Мария явно была не в восторге от того, что он лежит на ней всем телом.

Из подушки доносилось натужное пыхтение Кристофа, а над подушкой разлетались наигранно-страстные стоны Марии.

Эта картина была перед моим взором считанные мгновения. Я тут же испугался и спрятался под окном, умоляя сердце стучать потише. Мне следовало тот час же убраться к себе, но когда я почти решил сделать это, Мария воскликнула: "О, да! Это моё любимое!" — и послышалась увлечённая возня.

Мои глаза вновь уставились в окно, и посмотреть там было на что.

Они изменили позу.

Теперь Кристоф лежал на спине, головой в мою сторону, а Мария — прекрасная обворожительная Мария! — восседала на нём сверху, открыв моему взору идеально-стройное тело. Её маленькая упругая грудь притягательно подпрыгивала. Округлые бёдра неистово качались, будто уютная лодочка на бурных волнах, её плоский животик лоснился тончайшим слоем пота, а тонкая изящная шея выгибалась невозможным углом в порыве страсти, так что и теперь я не мог видеть её лица.

Минута этого феерического безумия пролетела как одно мгновение. Кристоф что-то крикнул, Мария соскочила с него, и я увидел, как Кристоф кончает. Потоки липкого семени медленно, рывками выползали из него, будто пена из пивной бутылки. Тонкие пальчики Марии сомкнулись на увядающем члене и устало выдаивали остатки спермы, стекавшие к основанию.

Я понимал, что нужно уходить, но не мог отвести глаз от хрупких пальчиков, увенчанных аккуратными ноготками. Я хотел-желал-мечтал, чтоб сию минуту эти пальчики обхватывали мой член, чтобы нежно и настойчиво ласкали его, так же, как ласкали член Кристофа.

Мой взгляд скользнул по тонкой руке к хрупкому плечу, к белой шее, и замер, встретившись со взглядом Марии.

Она смотрела на меня почти без удивления, так, будто подсматривать за ней — дело само собой разумеющееся. Она смотрела, как будто даже не вполне сознавая моё присутствие, моё вторжение в их интим.

В ужасе я отпрянул от окна и бросился в свою комнату.

"Зачем, зачем? — вопрошал я себя, — Зачем ты прислонился к стеклу! На улице такая темень! Необычная темень для Парижа! Темень спустившаяся именно сегодня, чтобы ты мог остаться незамеченным! И ты прислонился к стеклу!!!"

Да, я не корил себя за то, что, возможно, поступил неправильно. За то, что вообще не следовало подглядывать. Нет. Я корил себя за то, что не смог соблюсти простейшую технику безопасности.

Сейчас до Марии дойдёт, что произошло. Сейчас она расскажет Кристофу. Он ворвётся. Он выставит меня вон!

Но прошёл час, затем другой. Кристоф не врвался ко мне в комнату, не выставлял за дверь. И похоже, Мария так ничего и не рассказала ему.

Три дня после я блуждал между реальностью и вымыслом.

Одержимый лишь одним желанием — вновь увидеть Это, — я бесконечно боялся столкнуться с Марией. Кажется, она тоже не стремилась встречаться со мной, и за эти три дня мы ни разу не виделись. А по прошествии трёх дней мир иллюзий рухнул окончательно, ведь к Кристофу вернулась Зоуи.

Зоуи считала себя кем-то вроде жены Кристофа. Она выхаживала его, когда Кристоф по несколько недель не слезал с иглы, не прочь была сама вмазаться за компанию, люто ненавидела Марию и всячески старалась её унижить. Когда Зоуи возвращалась из своих

"отпусков", Мария спала на диване в гостиной.

Зоуи считала, что у неё есть какие-то права на Кристофа. Но и Кристоф считал, что у него есть права на Зоуи. И, в отличие от Марии, Зоуи постоянно ходила в синяках. Кристоф нещадно бил её за малейшую провинность. Зоуи всегда очень плохо выглядела. Она была настолько худа, что совсем не имела груди, с плоской и угловатой мальчишеской задницей, фигура её будто застряла в развитии, когда ей было лет десять, в то время как лицо продолжало взрослеть и стареть. Зоуи было не более тридцати, но наркотики, алкоголь и бесконечные побои превратили лицо этой женщины в безжизненную маску сорокалетнего алкаша. Почему Кристоф жил с ней, и почему она жила с Кристофом, закрывая глаза на все его выходки, — я не понимал. И не особо задумывался.

Не знаю почему, Мария решила уехать. Об этом упомянул Кристоф, когда они с Зоуи снова поругались.

— Послезавтра! — орал он, — Послезавтра она съедет!

Услышав это, я огорчился. Больше мне не увидеть Марию. Её стройного сексуального тела, её чудесных золотых волос, её чувственных тонких пальчиков. Очень жаль. Мне оставалось только мечтать: как мы остаёмся одни в пустой квартире, и как я подхожу и срываю с неё одежду, а она не смеет сопротивляться. И как я ставлю её по собачьи и погружаюсь в горячее влажное лоно.. Но ведь за всё это время мы так ни разу не пересеклись!

Оставался день до отъезда Марии. Вернее пол дня. Она уезжала в пятом часу утра, а я поздно вернулся, задержавшись в Дирсо в пабе с друзьями. Квартира была пуста. И Жорж, и Кристоф, и даже Зоуи исчезли куда-то в тот вечер, и Мария осталась дома одна.

Когда я вошёл, она сидела на диване в гостиной, в белом халатике и полотенце, намотанном вокруг головы. Мы встретились взглядами, и я застрял на пороге, потеряв всякое самообладание.

Как вести себя с женщиной, за которой ты совсем недавно подглядывал? Что сказать? Стоит ли вообще что-то говорить?

Мария успокоила поднимающийся в моей голове кавардак: она улыбнулась и тепло воскликнула "Привет!"

— Привет, — ошалело ответил я.

— Ты-то мне и нужен, — Мария сделала подзывающий жест рукой, и я повиновался будто безвольный пёс на поводке.

Неловко остановившись в полуметре от дивана, я ждал дальнейших распоряжений, а женщина внимательно глядела на меня снизу вверх и хитро улыбалась.

Наконец, когда молчание стало невыносимо-неловким, она заговорила:

— Как по-твоему, эта женщина красива? — и указала на лежащий на столике журнал.

Я взглянул на обложку и увидел роскошную блондинку, сидящую в соблазнительной позе, прикрывающую обнажённую грудь рукой. По сравнению с этой блондинкой Мария казалась серой мышью. Нет, Мария конечно была стройна и сексуальна, но изображённая на обложке женщина просто излучала секс. Одна только её грудь — два роскошных объёмных шара, меж

которыми могла свободно разместиться бутылка воды, — пробуждала стойкое желание. Что уж говорить о прочих прелестях, которые без сомнения были более роскошны, сексапильны и желанны, нежели прелести Марии.

И я честно выдавил:

— Красива..

Тогда Мария чуть подалась вперёд, отчего в разрез халатика я увидел её упругую маленькую грудь, и спросила, глядя прямо в глаза:

— А я? Я красива?

У меня в горле встал какой-то вязкий ком. Рот пересох, я не мог сглотнуть, и чтобы произнести следующее слово, пришлось приложить немало усилий:

— Красива!..

Но Марии, вообще говоря, было плевать, что я там лопочу. Её рука уже лежала у меня на брюках, нащупывая напрягшийся член.

Прозвенела раскрываясь молния, трусы поползли вниз, и влажный тёплый рот Марии поглотил мой конец. Я застонал от удовольствия и тут же запустил пальцы в золотистые волосы. Это был единственный момент, когда Мария удивилась.

Я совсем перестал соображать, всё плыло в голове, мысли расплзались пёстрыми лоскутами, фейерверком взрывались чувства. Божественно! Прекрасно! Обалденно! Если трахаться.. хотя бы вполчину.. так же.. хорошо!..

Мария не дала мне додумать. Она толкнула меня на диван и взобралась сверху на торчащий член, погрузив меня в невероятное неземное блаженство. Узкие стенки влагалища крепко обхватили ствол, волны удовольствия заскользили по позвоночнику, и Мария закачалась на мне, как совсем недавно качалась на Кристофе.

Её халатик распахнулся, мои руки сами потянулись к груди и завладели маленькими упругими сферами. Женщина выгнулась, прижала мои ладони своими, застонала, запрыгала, будто пытаюсь впечатать меня в диван, запрокинула голову, зарычала, вскрикнула, и в этот момент я кончил.

Она вытягивала из меня все соки. Каждое движение буквально опустошало меня. Я кончил так бурно и мощно, как наверное никогда не кончал во время мастурбации. И только минуту спустя, когда Мария уже лежала, прижавшись ко мне грудью и тяжело дыша, я понял, что кончил не вынимая, что впервые в жизни занимался сексом с женщиной и наполнил её.

Это было потрясающе. И это было ужасно..

— Я на противозачаточных, — сказала Мария, будто прочитав мои ощущения, чмокнула меня в щёку и исчезла в ванной.

Опустошённый и совершенно разбитый я ушёл к себе в комнату.

Ночью Мария уехала.

На следующий день я был сам не свой: меня мутило, голова раскалывалась, всё тело изнывало

как после долгого бега, а в паху неприятно жгло. На учёбе я еле-еле сдерживал подступающую тошноту, а по окончании с трудом дополз до квартиры, ввалился к себе и отключился под бормотание телевизора.

Проснулся я уже ночью, когда все спали. Боль куда-то ушла, я почувствовал прилив сил и дикий голод. Выбравшись на кухню и плотно перекусив, я вернулся к себе. Из-за стены доносились стоны (совсем как в прошлый раз!) и слабый стук.

Помня о прежних ошибках я выбрался на балкон и заглянул в комнату Кристофа. Там было темно, горел слабый голубого цвета ночник, а тела любовников, кажется, укрывала простыня. Я видел лишь размытые пятна, ритмично содрогающиеся и издающие глухие невнятные стоны. Необычное желание появилось во мне. Желание присоединиться. Я захотел вновь ощутить сладостную хрупкость женского тела, нежную кожу под своими пальцами, горячую ласку объятий, узость влагища, обхватывающего член, и.. аромат? Да, я мечтал о запахе настоящей женщины, мечтал вдыхать его часами, не отпуская, владея, уничтожая источник страстью и похотью. Я хотел женщину. Не эфемерного секса, не разрядки, не расслабления, а именно женщину. Но Мария уехала, и похоже моему желанию не суждено было сбыться.

Как и прежде, девушки относились ко мне равнодушно, а я постоянно хотел. Хотел даже больше, чем прежде. Хотел каждую, хотел всех. Студентки, аспирантки, преподавательницы. Что там говорить: я начал засматриваться на Зоуи.

С удивлением стал обнаруживать, что она не такая уж уродливая, а иногда ловил себя на фантазии, где я вхожу в квартиру, а Зоуи одна сидит на диване в халатике после душа.. В общем, я мечтал, чтоб повторилась ситуация с Марией. Но, как известно, бомба дважды в одну воронку не падает. Даже когда мы оставались в квартире с Зоуи одни, я мог лишь вообразить, каково это — трахать её.

Моё желание потихоньку сводило меня с ума, и я чувствовал, что если в ближайшее время не смогу удовлетворить его, то выкину что-нибудь постыдное, а может и того хуже. Мастурбация уже совсем не помогала, да и мастурбировать удавалось не так часто, как бы того хотелось.

Всё разрешилось само собой.

Мы с Зоуи были одни в квартире. Я сидел за барной стойкой и пил кофе, почитывая журналы; Зоуи хлопотала у плиты — готовила обед Кристофу. Мне пришлось встать и подойти к раковине, чтобы вымыть кружку, и в то же самое время Зоуи тоже что-то понадобилось у раковины. Мы разминулись буквально в паре сантиметров друг от друга, и в этот момент я почувствовал аромат, исходивший от Зоуи. Возможно мне так только показалось, возможно Зоуи тоже давно изнывала от желания, возможно у неё был тот самый период цикла, но я не смог побороть всплеснувшие во мне чувства. Резким движением отставив кружку в сторону я обхватил Зоуи сзади и притянул к себе.

Она была горяча, она зазвенела струной в моих руках — маленькая худенькая Зоуи. Я нырнул рукой под майку и обнаружил, что Зоуи не одела лифчик. Её грудь лишь слегка выступала над рёбрами — настолько плоской и худой была эта женщина. Я запустил руку ей под юбку и обнаружил, что Зоуи не одела и трусиков. Более того — Зоуи уже была мокрой.

Она не сопротивлялась, не вырывалась, но и не особо отвечала на ласки. Не в силах терпеть я расстегнул молнию, нагнул Зоуи перед раковиной и вошёл.

О, как она закричала! Зоуи хрипела, стонала, извивалась, старалась прижаться ко мне как можно крепче, старалась поглубже насадиться на член. Не такая узкая, как Мария, она вела

меня по пути блаженства намного дольше. Скользя, влажная, горячая, вопящая, Зоуи извивалась в моих руках, и очень сложно было удерживать её узкие бёдра в нужном мне положении.

От этой страсти, от этой бури эмоций, обрушившихся на меня из океана по имени Зоуи, я быстро кончил, едва успев вынуть член. Но женщина не оставила меня в покое.

Не успел я ещё отстреляться, как она уже обхватила конец губами и заработала так страстно и умело, что я мгновенно возбуждился.

Да, Мария умела делать минет, но Зоуи была просто богиней оральных ласк.

Я вцепился в её волосы, мечтая лишь об одном: чтобы это ощущение никогда не кончалось, но Зоуи отстранилась, выскользнула из рук и отрезвила меня видом своего сморщенного старушечьего лица.

И всё же я был в боевой готовности. Я вновь развернул Зоуи задом, задрал юбку и вонзился снова.

В этот раз я не мог остановиться. Я искал позу, наклоняя Зоуи, прижимая её к стене, к бару, к стульям; я держал её за бёдра так крепко, как только мог, поднимал на руки, вбивался так глубоко, как позволяла наша поза, но не кончал.

Зоуи билась и кричала, рычала и царапала барные стулья, выгибалась кошкой и сбивчиво бормотала что-то. И текла-текла-текла.

Все её ноги, все мои брюки, её и мои пальцы, наши животы — всё блестело от влаги, которую она источала.

Она кончила внезапно, будто бы не ожидала сама. Вдруг смолкла в моих руках, обвисла безвольной куклой, забилась, задёргалась конвульсивно, будто в припадке и больше не реагировал на мои движения.

Это испугало меня. Я осторожно вынул член и застегнул ширинку, потом поднял Зоуи на руки и отнёс в комнату Кристофа. Там женщина мгновенно уснула, едва только коснулась головой подушки.

Мой организм требовал финала, и пришлось запереться в ванной, чтобы закончить начатое самому. Конечно, это было совсем не то, как выплеснуть из себя всё в соитии, но на безрыбье..

В тот вечер Кристоф не получил свой обед. А Зоуи получила изрядную порцию побоев. Но похоже это не сильно её расстроило.

Она вновь и вновь пыталась соблазнить меня, флиртвала, даже в присутствии Кристофа, но я почему-то больше её не хотел.

Как отрезало.

Она совершенно перестала меня привлекать. И Зоуи это жутко бесило.

Но вышло так, что однажды я вновь овладел Зоуи; после чего мне спешно пришлось покинуть квартиру Жоржа.

В тот вечер Кристоф куда-то запропастился, я сидел в гостиной, а Зоуи крутилась вокруг, то и

дело демонстрируя то, что она считала своими прелестями. В конце концов её утомило отсутствие интереса с моей стороны, и она просто и нагло взобралась на меня, прижав к дивану, и попыталась расстегнуть джинсы. Я легко сбросил её невесомое тельце и убежал к себе в комнату.

Зоуи здорово разозлилась. Она взялась бить посуду, и даже разбила пару тарелок, но больше ничего предпринять не успела, потому что домой вернулся Жорж.

Я слышал сквозь тонкие стены, что Жорж пришёл не один — с ним была женщина. И судя по голосу, это была Розанна — сорокалетняя цыганка, давно положившая глаз на Жоржа и его квартиру.

Жорж часто водил её к себе, и они тихо, почти беззвучно, предавались страсти в его спальне.

В свои сорок лет Розанна обладала вполне себе сносной фигурой. Её не раздуло в стороны, как других цыганок, но и тощей она не была. Розанна могла похвастаться внушительных размеров округлостями, призывно колышущимися под тканью цветастого сарафана, и достаточно узкой талией, чтобы Жорж мог обнимать её одной рукой. Её чёрные волосы с редкой сединой кудрями ниспадали на плечи, и бьюсь об заклад, Жоржу доставляло огромное удовольствие зарываться в них лицом и вдыхать аромат. Её строгие черты, большие чёрные глаза и высокий длинный нос производили странный, одновременно отталкивающий и притягательный эффект. На неё хотелось смотреть, но ею не хотелось любоваться. И хотя весь вид Розанны обещал скорее горячую ласку, нежели бурный секс, почему-то ею непременно хотелось овладеть.

Это сложно объяснить словами... Похожее желание возникает у мужчины, когда он чувствует девственницу. Это может быть страшенькая толстушка с кривыми зубами и вонючими ногами, но её всё равно хочется трахнуть. Так и Розанну всё время хотелось трахнуть.

Я слышал сквозь тонкие стены, как Жорж завёл Розанну к себе в комнату, как они сдержанно хихикали и возились, пока не завалились в постель. Наступившая затем тишина распалила жажду, угасшую было во мне. Я не мог не думать о том, что происходит сейчас в комнате Жоржа, беспокойные фантазии осаждали мой разум. Я выскочил на балкон, и подкрался к заветному окну.

За задёрнутыми шторами почти ничего не было видно. В узкую щель сбоку бил свет от настольной лампы, а перед ним то возникала, то исчезала широкая спина Жоржа. Я видел его правое плечо, белую мясистую ляжку Розанны, кусочек её огромной груди и горящие чёрные глаза, жадно взирающие на Жоржа.

Два немолодых уже тела содрогались в нервических ударах, сбивались, двигались ритмично, бесшумно. Розанна стискивала зубы, вонзала ногти в мускулистые руки Жоржа, а тот, покрывшись испариной, вбивался в алебастровую плоть.

Этот дикий и страстный вид невероятно возбудил меня. Желание кипело во мне и требовало выхода.

Я метнулся в комнату, а оттуда вывалился в гостиную.

Зоуи сидела за барной стойкой и пила вино из кофейной чашки. Очевидно мой взгляд был весьма красноречив, потому что она тут же вскочила и потянула пояс, распахивая халат.

Не помня себя от желания, я на ходу расстегнул брюки и, обогнув стойку бара, повалил Зоуи на пол. Неистово и жестоко я вонзился в неё и забился, задёргался, навалившись всем телом,

лишь слегка упираясь локтями в шершавую поверхность ковролина. Она не успела кончить, не успела даже начать, но я плевать на это хотел. Разрядка наступила мгновенно. Бурным потоком, последним тяжёлым движением я закончил начатое, поднялся и застегнул штаны. Так и не сказав ни слова, я ушёл и закрылся у себя, оставив Зоуи одну: на полу, ошарашенную, разбитую и неудовлетворённую.

На следующий день мне пришлось покинуть квартиру Жоржа.

Зоуи рассказала вернувшемуся Кристофу, что изменила ему со мной. Кристоф жутко разозлился и избил Зоуи.

На меня он мог только орать. И он орал.

Он припоминал мне мелкие провинности и проступки, а потом стал выдумывать то, чего никогда не было. Я не стал с ним спорить (ведь я и в самом деле был виноват... с Зоуи... и ещё с Марией), а просто собрал вещи и ушёл. Благо вещей у меня было немного.

Мне не пришлось долго искать новое жильё, потому что уже на следующий день я встретил Анри, который рассказал мне о частном доме, где сдаются комнаты. Анри жил там со своей девушкой Амалией.

О, Боже, что это была за девушка!

Амалия не истязала себя глупыми диетами, и почти не пользовалась косметикой, как большинство девиц в то время. Но она была прекрасна.

Когда по утрам она входила в кухню в своём белоснежном халатике, внутри у меня что-то сладостно сжималось, член мгновенно твердел и едва не звенел от напряжения.

Со своего места, где я обычно пил кофе, я прекрасно видел аппетитные округлости Амалии, проступающие под тканью. Воображение рисовало упругую грудь с розовыми сосками, сексуальный мягкий животик с аккуратным пупочком, горячие бёдра и округлые притягательные ягодицы. Но видеть я мог только нежные коленки с ямочками и спортивные икры Амалии, кисти рук с сексуальными пальчиками, одновременно — тонкими, изящными и пухленькими, отчего они казались необычайно нежными. Я мог бы глядеть на эти руки часами, представляя, как они касаются меня, как сжимают мой член, крепко и бережно, как сексуально скользят по его горячей тверди. Я хотел трахнуть эти пальчики. Я хотел трахнуть Амалию.

Когда напряжение от созерцания её чудесного тела начинало кружить голову, я переводил взгляд на чудесное личико, ища спасения, но стараясь не смотреть Амалии в глаза, чтобы она не прочитала мои мысли и желания.

И личико её было не менее прекрасным и сексуальным, чем тело. Сложно подобрать слова для описания этого ангельского лица, этих шелковистых щёчек, этих коралловых пухлых губок, этого маленького носика пуговкой, на который постоянно сползали большие винтажные очки. Лицо Амалии было непереносимо милым, и даже простые строгие причёски, которые она носила, не могли хоть как-то изменить это.

Взгляд, который я иногда ловил, был похож на взгляд любопытного котёнка, от чего Амалия становилась ещё в тысячу раз милее, хотя казалось бы — милее уже некуда. К Амалии необходимо было прижаться, потереться о неё лбом, помурлыкать, поласкаться... Иногда, в узких коридорах, мне удавалось — как бы случайно! — коснуться её бедра. Или задеть плечом,

отчего Амалии приходилось слегка поворачиваться и дотрагиваться до моего локтя. При этом она так невинно и мило улыбалась, что мне хотелось растерзать её на месте.

А пахла она!.. Можно ли вообще обладать таким восхитительным запахом! Женщина, которую хотелось съесть, проглотить целиком...

Но она была недоступна.

Я мог лишь созерцать Амалию в те редкие минуты встреч в коридорах, и по утрам на кухне, когда Анри уже убежал на учёбу, а остальные жильцы дома ещё не проснулись.

Помимо меня, Амалии и Анри в доме жили ещё несколько человек: хозяйка дома — старуха Тереза, занимавшая самую большую комнату, и Марсель — парень, которого можно было встретить только утром или вечером. У него был странный график работы и жизни вообще. В редкие выходные к Марселю приходила девушка, и они просто сидели в комнате, разговаривая о чепухе. Никогда не слышал, чтобы они затихали, или напротив — бурно и громко занимались сексом.

Зато по ночам я прекрасно слышал сдержанную возню Амалии и Анри за стенкой. И если мне не удавалось уснуть раньше, я скрипел зубами, сгорая от желания и пробуждающейся ревности. В такие ночи у меня начинали формироваться мои первые идеи для рассказов, и иногда я бросался к тетрадям и делал скорые наброски, описывая жаркие минуты страсти между Анри и Амалией.

Я не знал, как утолить мою страсть к Амалии. Я не мог смотреть на других женщин, пока рядом была она — божественно-прекрасная, сияющая, милая. И снова меня выручил случай. Фортуна улыбнулась мне и предоставила шанс — хотя бы попытаться.

Весной бабка Тереза разболелась и уехала на Сицилию. Марсель работал, как проклятый, появляясь только по ночам, чтобы отоспаться и вновь броситься на работу. И — о, чудо! — Анри пришлось отправиться в двухнедельную командировку, кажется, в Данию. Мы с Амалией остались в квартире одни.

Теперь я видел её чаще. Мы сталкивались не только в коридорчиках и на кухне. Амалия часто спускалась в гостиную, где мы обменивались неловкими фразами о погоде и о новых выставках (Амалия изучала современную живопись).

Дико нервничая и покрываясь холодным потом, я иногда заставлял себя подсаживаться к ней поближе и открывал очередную книгу, взятую в библиотеке. Мы рассматривали иллюстрации, едва не касаясь друг друга лбами. Но это было невыносимо. Я отчаянно желал Амалию и не мог думать ни о чём другом, находясь рядом с ней.

Первая неделя отсутствия Анри пролетела незаметно. Это был рай и ад, и я срочно должен был что-то предпринять. Хотя бы попытаться дотронуться до неё, хотя бы поцеловать, хотя бы..!

Воскресным вечером, когда розовое солнце плавилось на разгорячённых крышах, я, обессиленный тоской по Амалии, решил спуститься в гостиную, надеясь, что она услышит, как я выхожу из комнаты, и спустится следом. Но, выглянув в коридор, я заметил, что дверь в спальню Амалии и Анри открыта.

Амалия лежала на диване в коротких шортиках и простой серой футболке, закинув ногу на ногу. В руках у неё была книга, но она не читала. Взгляд Амалии обратился в мою сторону, и мне почудилось, что в её огромных серых глазах мелькнуло желание.

Сейчас или никогда! — решил я, и вошёл в комнату.

Руки сами закрыли дверь, ноги сами поднесли меня к дивану.

— Читаешь? — тупо спросил я.

— Читаю, — произнесла Амалия одними губами.

Я понял, что она волнуется не меньше моего. Я понял, что неделя без Анри для неё невыносима. Она хотела мужчину. Кого угодно. Неудовлетворённое желание копилось в Амалии все эти долгие семь дней. И я был как нельзя кстати.

Я наклонился и припал к восхитительным сладким губам, но пробраться языком и коснуться языка Амалии мне не позволили стиснутые жемчужные зубки. Амалия не сопротивлялась поцелую, но и не позволяла мне зайти далеко.

Она обвила мою шею руками и страстно целовала в ответ.

Огромных усилий воли мне стоило оторваться от божественного бутона её губ и сесть на край дивана.

Не отпуская моей шеи, Амалия тоже приподнялась, и теперь мы сидели друг напротив друга, глядя глаза в глаза и молча молили друг друга о страсти.

Одна моя рука легла на изгиб талии, другая гладила обнажённое бедро.

Я поцеловал Амалию снова. И снова меня не пустили дальше сомкнутые зубы. Но это уже были мелочи. Я нащупал под серой футболкой обнажённую грудь — налитый соком персик, идеально уместившийся в моей ладони, — и Амалия застонала. Она подалась ближе, а её пальцы побежали по моей рубашке, расстёгивая пуговицы.

Мы вновь разомкнули уста, я стащил с Амалии футболку и уже потянулся к шортикам, но Амалия остановила меня.

Я вопросительно взглянул на неё, и Амалия ответила мне, молчаливо покачав головой. Она не хотела снимать штаны. Странное желание, но и оно показалось мне мелочью. Я опустил ладонь на короткие шортики, слегка надавила пальцами там, где как мне казалось должен был находиться заветный бугорок, и Амалия застонала, выгибаясь в экстазе. Она легла на диван и раздвинула ноги. Белоснежное её тело оказалось передо мной, на виду, — точно такое, как я воображал. Розовые соски торчали вверх и чуть в стороны, грудь вздымалась двумя упругими шарами, сексуальный мягкий животик покрылся тонким слоем испарины, а бёдра!.. Да, я не мог проникнуть сквозь ткань коротких шортиков, но я всё равно мог обладать ею.

Нависнув над Амалией, я поправил член в штанах и лёг на неё бёдрами. Наши промежности соприкоснулись и на мгновение, когда девушка вновь застонала, мне показалось, что я вошёл.

Двигаться приходилось не так, как при обычном соитии, и всё же это было прекрасно. Подо мной стонала и извивалась богиня, и я готов был делать это даже через космические скафандры.

Аккуратные ноготки Амалии, подстриженные обычно очень коротко, восхитительной болью вонзились мне в плечи. Её грудь и животик сотрясались всё быстрее, стоны становились всё глуше, я двигался всё неистовее. И вдруг... всё кончилось.

Я обнаружил себя обвалившимся на тяжело дышавшую Амалию. Девушка гладила мои плечи и блаженно улыбалась, прикрыв свои восхитительные глаза.

В штанах у меня всё слиплось, и это было одновременно приятно и противно.

Я скатился на пол, и мы лежали так минуты три. Потом Амалия ушла в ванную, я сходил к себе и переоделся. Чуть позже мы встретились на кухне и откровенно поговорили.

Амалия рассказала, что хотя и безумно любит Анри, но уже неделю как изнывает от желания; потому что секс у них был очень часто, не реже раза в день. Изменять ему она не хотела, и в её представлении такой вот секс через одежду не был изменой. Я сказал, что не прочь как-нибудь повторить, но она покачала головой, в точности повторив тот жест, когда я попытался растянуть её шортики. После кофе мы разбрелись по комнатам.

Утром я нашёл под дверью фотографию обнажённой Амалии, стыдливо прикрывавшей грудь. На обороте было написано: "Когда совсем невольно".

Через неделю вернулся Анри, затем Тереза, и всё стало по-старому, только касаться Амалии в коридорчиках я перестал.

Однако, желание моё не пропало.

Всякий раз, возвращаясь домой, я думал об Амалии, вспоминал её божественное тело, ангельское личико и короткое время страсти, когда я почти владел ею.

Чуть меньше, чем раньше, и тем не менее — сильно, я продолжал желать эту женщину и в тайне надеялся вновь остаться с ней наедине.

Шли дни, недели, и ближе к началу Лета в доме бабки Терезы стали происходить другие удивительные вещи, которые напрочь вытеснили мысли об Амалии у меня из головы.

Сначала случилось вот что.

Как-то раз я вернулся с учёбы на пару часов раньше, и поскольку у меня, как и у каждого жильца дома, был ключ, я открыл входную дверь и сразу же поднялся наверх, собираясь пройти к себе в комнату. Но что-то задержало меня в коридоре.

Из приотворённой в спальню бабки Терезы двери доносились странные звуки. Весь обратившись в слух, я осторожно подошёл к порогу и заглянул в комнату.

Челюсть моя едва не сбрыкала на пол: на старом телевизоре молодой поджарый парень сжимал в объятиях сморщенную бабульку, — Тереза смотрела порно со старушками!

Я отпрянул, не успев заметить, что самой хозяйки в комнате нет. А когда повернулся, чтобы быстро шмыгнуть к себе, столкнулся с Терезой нос к носу.

Кровь прилила к щекам, я промямлил что-то вроде "Добрый день... прекрасная сегодня погодка, не правда ли?", но Тереза не обратила на это внимания.

— Никого нет дома... — рассудительно констатировала она и грохнулась передо мной на колени.

Не успел я опомниться, как старушечьи пальцы уже растёгивали мои штаны, а сморщенный беззубый рот — глотал мой член.

— Ах-хаааа! — только и успел выдохнуть я, а уже через мгновение понял, что вцепился Терезе в затылок и двигаю тазом навстречу её глубокой глотке. Мне не хотелось прекращать этого, и я представил, что это не старая морщинистая старуха с квадратной задницей и обвислыми сиськами, а пышущая здоровьем и молодостью Амалия. Это Амалия делает мне минет, это Амалия так страстно и жадно поглощает член, вцепившись сексуальными пальчиками в мои ягодицы.

В мгновение я разрядился, прижав яйца к подбородку бабки Терезы, не давая ей вдохнуть несколько секунд, заставляя давиться и сглатывать, а затем я вдруг осознал весь кошмар происходящего. Да что же это такое! Ведь она старуха!

Бабка Тереза отстранилась, утирая губы, и плотоядно улыбаясь посмотрела мне в глаза. Похоже она не хотела останавливаться на минете. Откуда в ней это? Ведь все желания в её старом и дряблом теле должны были давно иссякнуть, как в пересохшем источнике! Не может быть, чтобы это страшное бесформенное чудище до сих пор испытывало потребность в соитии! И тут как на зло из её спальни вдруг раздался полный страсти старушечий вопль: "О, да!".

Едва не споткнувшись о распластавшуюся на полу старуху, я бросился вперёд по коридору и, с трудом отыскав замочную скважину, ввалился к себе.

Что это было? Что? это? было?!!

Я не мог рассуждать здраво, я не мог успокоиться. Я был твёрдо убеждён лишь в одном: Тереза не оставит меня в покое.

Так и вышло.

Она не прекращала попыток соблазнить меня.

Точно так же, как доселе я старался коснуться Амалии при встрече, Тереза прикасалась ко мне. Она зажимала меня в коридорах, ерошила мои волосы, когда заставала на кухне, одевалась в ужасающие обтягивающие наряды, и пыталась строить глазки, когда я случайно смотрел на неё. И всякий раз, когда я встречал её днём, меня бросало в дрожь.

Но с наступлением ночи на меня накатывало одиночество, и желание буйным цветом распускалось в груди. Тихими ночами Тереза не казалась мне такой отвратительной, как при свете дня, и я всем сердцем желал, чтобы хоть раз она явилась в мою комнату после полуночи. Сам я не смел прокрасться к ней, как бы сильно не снедала меня похоть; и Тереза очевидно боялась, что Анри, Амалия или Марсель услышат, если она попытается соблазнить меня ночью.

Потом ей стало сложно и днём проявлять своё извращённое внимание — старшая дочь скинула на Терезу семилетнего сына, который практически не отлипал от бабушки, а ещё через какое-то время в доме появилась Ева — внучка Терезы.

Ева мне сразу понравилась. Симпатичная стройная шатенка с узкой талией и маленькой прелестной грудью, едва проступающей под одеждой.

Голубоглазая, с приятной улыбкой и изящными пальчиками, стройными ногами, которые она никогда не прятала в штаны, Ева была всего лишь на пару лет младше меня и училась в старшей школе. С наступлением Лета она приехала к бабушке и поступила на трёхмесячные курсы сценаристов.

С Евой было приятно болтать и просто находиться рядом. Каждое её движение дышало утончённой эротичностью, и я любовался Евой, как хорошей картиной, как прекрасным произведением искусства.

Ева без тени смущения заходила ко мне в комнату, когда я забывал запереть дверь. Серьёзно выслушивала мои плохие стихи, отмечала ошибки, а потом стала читать наброски моих первых рассказов. Мы обсуждали достоинства и недостатки книг, Ева делилась со мной знаниями, почерпнутыми на курсах, а я делился знаниями, которые мне давал университет.

Это было прекрасное время стихийного творчества и платонического наслаждения друг другом.

Постепенно Ева завораживала меня, и я совсем забыл и Амалию, и Терезу, и всех прочих женщин, превратившихся в размытые тени.

Когда Ева начинала без умолку говорить и вдруг стихала, понимая, что я не слушаю, а просто люблю её, я подходил, осторожно брал её маленький подбородок и целовал Еву в губы. Просто, без языка — чмок!

Иногда она читала стихи, лёжа у меня на коленях, и я подолгу всматривался в её чудный носик, бездонные голубые глаза, мысленно рисовал очертания прекрасных скул, затем дотрагивался до них кончиками пальцев.

Время от времени Ева игриво шлёпала меня по заднице, когда я выходил из комнаты.

Это было прекрасно, и это должно было перерасти в нечто новое.

В середине Лета мы с Евой остались одни на пару дней. Мы заранее знали, что так будет, и условились провести эти пару дней вместе.

Амалия и Анри уехали погостить к родителям, Марсель наконец взял неделю отпуска и отправился в Лондон со своей подружкой, а бабка Тереза куда-то повезла внука.

Пустой дом оказался в нашем полном распоряжении.

Я купил бутылку дешёвого вина, Ева где-то раздобыла кусочек изысканного камамбера, и целый вечер мы провели в гостиной, попивая вино, уплетая сыр и просматривая дурацкие романтические комедии, которые нам обоим не нравились.

Когда на город опустились сумерки, мы были немного пьяны и — слегка возбуждены надвигавшейся близостью. Я выключил телевизор, Ева прикрыла шторы, мы сели рядом и долго смотрели друг другу в глаза, не решаясь прикоснуться.

Я дотронулся до её раскрасневшейся щеки, потянулся губами и поцеловал Еву. Она открылась моему поцелую, позволила мне неумело терзать её рот языком, и ответила на поцелуй.

Мы заключили друг друга в объятия, и наши руки заскользили по телам и ставшей вдруг лишней одежде. Я стащил с Евы топ, расстегнул маленький кружевной лифчик, а она расстегнула на мне рубаху, и мы прижались друг к другу, будто только это и было нам нужно.

Долго и нежно мы ласкали друг друга, не решаясь перейти к самому главному. Я не знал точно, готова ли Ева, хочет ли она того же, чего и я, и потому спросил:

— Пора?

Ева, улыбнувшись, кивнула, поднялась и сняла юбку, открыв моему взору сексуальные кружевные трусики, от вида которых моё сердце забилося вдвое чаще (хотя и до этого оно молотило, как бешеное).

Я поцеловал её плоский животик, поцеловал пупочек, и поцелуями спускался всё ниже. Ева запустила пальчики мне в волосы, зная, что последует дальше. Мои пальцы потянули вниз её трусики, мои губы коснулись мягкого пушка на лобке. Ниже. Ниже! Ещё ниже!

Божественный аромат кружил голову. Ладонями я обхватил Еву за ягодицы, языком и губами проник в заветный треугольник, и Ева застонала.

Это продолжалось недолго, потому что поза была не удобна, и мы перешли на диван.

Ева легла, слегка раздвинув ноги. Она всё ещё стеснялась, но я не спешил её торопить. У нас было время, чтобы расслабиться, чтобы довериться друг другу. И я припал ртом к розовому бутону в ореоле каштанового пушка.

Мой язык стал источником блаженства. Сейчас мне казалось, что его основное предназначение как раз и заключается в том, чтобы доставлять удовольствие Еве.

Она молчала.

Я чувствовал, как содрогаются её бёдра, как прогибается спина; я видел краем глаза, как Ева сжимает свою грудь, как откидывает в экстазе чудесную головку; я ощущал, как нежное лоно источает ароматную влагу.

Волшебный бугорок давно набух, и прикосновения к нему заставляли Еву хватать меня за волосы. Это значило лишь одно: она готова была принять меня.

Поцелуями я поднялся к чудесной фарфоровой шее. Пальцы мои при этом продолжали ласку, едва прикасаясь к волшебному бугорку и увлажнившимся заветным губкам. На несколько секунд мне пришлось отстраниться, чтобы снять брюки, и тогда Ева вдруг, будто потерявшись, взглянула на меня. В её глазах на мгновение мелькнуло отчаяние, но я тут же возобновил ласки.

Ева снова заизвивалась под моими руками, поцелуи наши стали порывистыми и жадными, тела то и дело соприкасались, но сделать самое главное я пока не решался. Не решалась и Ева. Её ладонь гладила мой живот, опускалась к лобку, но с сомнением возвращалась к груди и животу, боясь коснуться моего...

Но тянуть дольше было нельзя. Я понимал, что скоро Еве это надоест, и у нас уже ничего не получится. Поэтому я взял её руку и положил на свой член.

Ева ощутила пульсацию крови, твёрдость горячей плоти и желание, которое я старался продемонстрировать двигаясь в её нежной ладони. Всё ещё сомневаясь, но изнемогая от безумного желания, она направила меня, приподняла бёдра, и я вошёл.

Горячие узкие стенки влагилица крепко обхватили член. Я не ожидал, что Ева будет такой узкой, и от неожиданности едва не кончил.

Секунду переведя дух, я двинулся дальше, но упёрся во что-то упругое, плотное. И оно мешало.

Оно мешало мне овладеть Евой, проникнуть в неё до конца, и потому я надавил сильнее. Но упругое нечто, слегка растянувшись, всё равно не пускало. Тогда я слегка попятился и сделал резкий толчок.

Мне было чуть неприятно, а Ева вскрикнула и сжала меня за плечи. Кажется, я сделал ей больно.

Я не знал, продолжать мне, или прекратить наше безумство, но хватка Евы ослабла, губы коснулись моих губ, и я решил продолжать.

Я двигался медленно, стараясь быть нежным, повторяя движения приливной волны. Долго набирая силу, и завершая толчок резко, почти агрессивно.

Мы больше не сдерживали наших чувств, и оба стонали от набегавшего и спадавшего блаженства, которое становилось всё сильнее с каждой новой волной.

Я боялся, что кончу раньше Евы, — она была слишком узка, — но продолжал и продолжал настойчиво обрушиваться на неё. Её стоны не менялись, время тянулось бесконечно долго, и необходимо было уже что-то предпринять, но тут Ева спросила:

— Когда?

— Что "когда"? — ошарашено прошептал я, едва не потеряв контроль.

— Ты не хочешь кончить?

— Еле держусь!..

— Кончай!.. Кончай скорее! Я хочу, чтобы ты кончил!!!

Я сделал ещё несколько толчков, чтобы ускорить темп, чтобы достигнуть пика!, страсти! Ева застонала, будто кончала сама, и тогда я вышел и взорвался, разрядившись ей на живот.

В глазах Евы светилась любовь. Чистая неподдельная святая любовь.

Мы прекрасно спали в ту ночь, сжимая друг друга в объятиях, и, кажется, снились друг другу.

А весь следующий день мы посвятили занятиям любовью.

Мы трахались везде, всюду, по всему дому. Даже в комнате бабки Терезы. Но на третий день жильцы стали потихоньку возвращаться обратно, и нам пришлось усмирить наши желания.

Последние недели Июля были волшебными. Наша тайная любовь расцветала подобно бутону, становилась ярче и притягательнее. Стоило нам остаться одним, и мы предавались порывистым бурным ласкам; мгновение вместе отмечалось поцелуем; а по ночам, когда ей удавалось незаметно проскользнуть по коридору, Ева приходила ко мне, и мы занимались безумной беззвучной любовью.

Как-то ночью я проснулся от странного ощущения: что-то мокрое и горячее поглощало мой член, тихие чмокающие звуки доносились из-под покрывала.

— О! Ева! — шёпотом воскликнул я. Шалунья прокралась, пока я спал, и решила ублажить меня ртом.

Дьявольское блаженство повергло меня в экстаз, я закинул руки за голову, стараясь не мешать кудеснице творить волшебство. Чудесно! Божественно! Хорошо!

Я хотел видеть её лицо, её глаза, и хотя кругом царил кромешный мрак, а сквозь закрытые шторы с трудом пробивался свет уличных фонарей, мне казалось, что это будет прекрасно.

Покрывало полетело на пол, горячий рот проглотил меня до основания, и я едва не задохнулся от удовольствия.

— О, господи! Ева! Ева! — застонал я сквозь зубы.

Жирное чёрное пятно поднялось от пола, горячий рот исчез, а в душной темноте июльской ночи раздался шёпот:

— Нет, мой сладенький, это не она...

В ужасе я попытался подняться, но тяжёлое тело навалилось на меня, вдавило в кровать. Огромные дряблые сиськи обрушились на грудь, к животу прижался складчатый потный живот, а рядом с ухом оказались те самые губы, что только что так умело ласкали мой член.

Не Ева, а Тереза прокралась ночью ко мне в спальню! Не Ева, а Тереза делала этот божественный минет! Не Ева, а Тереза наживилась на меня, повергая в кошмарный нереальный экстаз.

Я провалился в старушечье влагалище, как в бездонную Марианскую впадину, не чувствуя ничего, кроме обжигающей склизкой влаги. Дряблая жопа Терезы неистово ходила взад и вперёд, её сиськи перекатывались по мне, сползли на простыни, а руки удерживали мои плечи, чтобы я не мог сопротивляться. Тереза горячо шептала на ухо, какой я сладенький, что у неё с самого первого дня на меня стоит, что она долго не решалась, что если я отдамся ей, мне не придётся платить за жильё... И всё это время она искала что-то своими бёдрами, нащупывала влагалищем, и вдруг!..

Старуха зарычала, да я и сам не прочь был заорать на весь дом! Она нашла идеальную позицию, идеальное движение, идеальный момент. Мои бёдра сами пошли ей навстречу! Ещё раз, ещё! Мне нужно ещё одно такое движение! И оно повторилось. Дичайшее удовольствие, начавшееся где-то в середине головки, устремившееся по стволу, сковавшее на мгновение все мышцы и отпустившее их невообразимым блаженством.

Тереза чуть приподнялась, упершись руками в кровать, её сиськи нависли чуть ли не над моим лицом, но мне уже было плевать. Ещё! Ещё!

Я вцепился в обвислый квадратный зад, заставляя его двигаться, я зарычал сквозь зубы, и почувствовал тошнотворный ужас происходящего, граничащий с блаженством, какого я до сих пор не испытывал. "Трахни меня! Трахни!" — кричало что-то в мозгу, и Тереза трахала.

Не знаю, как долго это продолжалось, — в тот миг я хотел, чтобы вечно, — но обнаружил я себя уже полностью опустошённым. Отвратительная уродливая сморщенная Тереза вновь лежала на мне и сипела, как курильщик, пробежавший марафон. Её бёдра содрогались. Мой член конвульсировал у неё внутри, исторгая остатки семени. Я чувствовал облегчение и ужас, отвращение и удовлетворение.

С трудом она сползла с меня, превратившись в жирное чёрное пятно, и исчезла за дверью. Я повернулся на бок и погрузился в тяжёлый тревожный сон.

Разбудили меня крики — кто-то ругался внизу в гостиной. Весь я был разбит и обессилен, но всё же собрал волю в кулак, оделся и спустился вниз. Память неохотно возвращала картины прошлой ночи, и по большей части они вызывали во мне отвращение, а потому я не готов был столкнуться с Терезой и Евой, которые зло спорили о чём-то.

Когда я появился на лестнице, они обе замолчали.

Я взглянул на Терезу — взгляд её был злобный и кровожадный. Старуха была уверена в себе и казалось праздновала какую-то победу. Тогда я взглянул на Еву... И от ужаса, чуть не потерял равновесие. Ева смотрела на меня с болью и осуждением. Она презирала и ненавидела меня. В глазах её стояли слёзы. Ни слова не говоря, Ева развернулась и выбежала из дома, катя за собой чемодан с вещами.

Совершенно лишившись сил я присел на ступеньку.

— Вы ей рассказали...

На сморщенном лице Терезы прорезалась торжествующая улыбка:

— Нет. Ева тоже приходила к тебе ночью, сладенький. Но слегка опоздала...

Я схватился за голову.

Тереза подошла ко мне и положила сухую жилистую руку на макушку:

— Ну-ну, сладенький. Она тебе не нужна. Тебе нужна женщина с опытом.

В мозгу вспыхнули размытые пятна прошлой ночи.

Как я мог! Как я мог! Ведь Ева! Ева любила меня! И я дорожил ею... Но поддался... отвратительному действию. Отвратительному и бесконечно сладостному...

Тереза зашаркала вверх по лестнице, я оглянулся на её квадратный обвислый зад, и понял, что это будет повторяться. Тошнотворное противоестественное безумство, которому я не смогу сопротивляться, которого я буду жаждать, как наркоман новой дозы. Я понял, что жить в этом доме больше не смогу.

Уже вечером я вернулся к родителям.

Всё оставшееся Лето я искал новое жильё поближе к университету, и лишь в последний день Августа мне встретился Александр, мой хороший знакомый. Он рассказал, что снимает комнату у своей тётки Надин.

Это была громадная жирная баба с двумя подбородками, уродливым крючковатым носом и маленькими злобными пороссячьими глазками, которые расплывались бесформенными пятнами за стёклами непомерно больших очков. Выглядела Надин безобразно, но это ничуть не смущало её, когда она была дома. Облегающие рубашки и колготки, нелепые подростковые футболки и лосины, короткие топы и шорты — вот что составляло домашние наряды Надин. На улицу правда она выходила в просторных платьях, но и они, к несчастью, не могли скрыть её безобразности.

Поселившись у Надин, я сразу обратил внимание на старые фотографии, висевшие кругом на стенах, где была изображена симпатичная юная девушка, стройная и эффектная, с округлыми

формами, в различных симпатичных нарядах и в окружении красавцев кавалеров. Лишь большие круглые очки и крючковатый нос выдавали в ней уродину Надин.

Надин часто замечала, как я люблю её старыми фото, и однажды сказала мне:

— Такой я была до замужества.

Когда я поселился у неё, Надин уже несколько лет была в разводе, и я понимал, почему. Мало кому захочется проводить свою жизнь с такой уродиной. Но вместо того, чтобы заняться собой, сесть на диету, или попробовать спортивные упражнения, Надин продолжала неспешную и унылую жизнь ленивой толстухи. Комнаты, которые она сдавала в своей квартире, приносили небольшой доход, чего Надин вполне хватало, чтобы есть, есть, и снова есть.

Помимо Александра, меня и Надин в квартире жили ещё несколько человек, но мы с ними почти не общались. Всё это были люди взрослые, работавшие на низкооплачиваемых должностях, и видел я их редко.

Но в первый же день я встретил девушку, которая заполнила все мои мысли и мечты.

Мы столкнулись у лифта, она улыбнулась мне, я сказал "Привет!", и с тех пор мы постоянно здоровались, встречаясь у лифта или в фойе. Она всегда приветливо улыбалась, а я, ослеплённый её улыбкой, в смущении отводил глаза. Каждый раз при встрече мне становилось настолько неловко, что я даже смотреть на неё не мог. И лишь иногда урывками мне удавалось рассмотреть какую-нибудь деталь её облика.

Она всегда была разная. Меняла причёски, одежду, образ, и при этом умудрялась выглядеть скромно и со вкусом. Её чёрные глаза пылали каким-то внутренним пламенем, источник которого мне никогда не удавалось угадать. Её тонкие решительные губы большую часть времени были напряжённо сжаты, словно она вечно раздумывала о чём-то. Она почти не пользовалась косметикой, но добивалась потрясающего эффекта.

В те дни, когда она делала хвост, или другие причёски, оставляющие открытыми её чудесные ушки, я мог неотрывно глядеть на изящную линию шеи и на изысканную плавность линий ушной раковины. Мне хотелось прикоснуться к этим искусительным ушкам, водить по ним кончиками пальцев, покусывать их, вдыхать их аромат. В равной степени я хотел дотронуться до её чудесных тонких пальчиков с аккуратно остриженными ногтями. Эти пальчики были божественно прекрасны, дьявольски притягательны.

Вся она казалась мне воплощением дьявольского искусства, который каким-то невообразимым образом сочетался и смешивался с ангельской невинностью и непосредственностью. Стройные ножки, приятная худоба, небольшая приподнятая грудь и крепкая округлая попка, линии которой я выучил наизусть.

Я выучил и другие вещи. Например, расположение симпатичной родинки чуть пониже правой ягодицы, которое я запомнил в тот день, когда она стояла у лифта в коротеньких шортиках. Или маленькую татушку на спине чуть ниже плеча, которую я разглядел, когда девушка возвращалась из театра со своими родителями. Тогда она нарядилась в открытое со спины вечернее платье. Выучил и другие мелочи, которые так потрясали и волновали меня, когда я открывал их для себя.

Чарующий звук её голоса, когда она говорила: "Привет!" — был высшей наградой для меня в особо тяжёлые дни. Милый румянец на щеках, когда она смущённо улыбалась и отворачивалась, пробуждал во мне адское желание. Но всё, всё это не могло заставить меня

сделать больше, чем я всегда делал при встрече с ней: скромный кивок, кривая улыбка и слово "здравствуй".

Так проходили день за днём, неделя за неделей. И я уже совсем не думал о других девушках. Девушка у лифта была моим единственным желанием, которому кажется не суждено было сбыться.

По ночам я корил себя за нерешительность, убеждая и мотивируя собственное Я, чтобы утром при встрече пригласить девушку хотя бы выпить кофе. Но, вновь встречая её, я совершенно терялся.

Как-то совсем незаметно прошли Осень, Зима и Весна. Наступало Лето.

Погода стояла дивная: тепло, но не жарко, лёгкий ветерок ласкал нежными прикосновениями, а по вечерам наступала благодатная свежесть. Я записался на расширенные курсы. Приходилось оставаться в университете до самых сумерек. А вечером я возвращался домой и встречал в фойе у лифта свою девушку-мечту.

Как и много вечеров до этого, я пересёк фойе, остановился у лифта и улыбнулся ей:

— Привет!

Она оглянулась и как-то печально посмотрела на меня, смутив этим взглядом ещё больше, чем обычно. Раскрасневшись, я уткнулся в пол, но продолжал чувствовать на себе её полный необъяснимой грусти взгляд.

Пришёл лифт, и мы, неловко потупившись, вошли в него. Тонкий пальчик нажал кнопку седьмого этажа, а я не решился сделать шаг и нажать шестой — тот, на котором я жил. Лифт медленно двинулся вверх, пронзительным звоном отмечая этажи. Дзинь! Дзинь!

Внезапно что-то гулко ухнуло, лифт остановился.

Я поднял глаза и увидел, что моя мечта держит палец на кнопке принудительной остановки.

О, как печален был её взгляд! С какой тоской и мольбой она взирала на меня! Мне сразу захотелось утешить её, обнять, успокоить.

И я подошёл и обнял её.

Она уткнулась мне в плечо и беззвучно заплакала. Я не знал, что делать, и потому просто гладил её по голове, проводил рукой по длинным чёрным волосам. Хрупкие плечи содрогались в моих объятиях, прелестный носик мило шмыгал, а тонкие пальчики гладили мою спину.

Они были непослушными, эти пальчики. Они забирались ко мне в штаны, стараясь нащупать мои ягодицы. С удивлением я обнаружил, что девушка больше не плачет. Я немного отстранился и взглянул на неё.

Как же она была прекрасна!

На щеках остались следы слёз, но пылающие щёки, искусанные губы и сверкающие чёрные глаза уже были предельно серьёзны. Я потянулся и поцеловал это чудо. Она обвила мои плечи руками, прижалась всем телом.

Хрупкая, тонкая, почти невесомая, она жадно пила поцелуй и не позволяла отпустить себя,

пока не насладилась им сполна. Властная и желанная, она сама отстранилась и позволила мне сказать:

— Ты чудесна прекрасна божественна!

И новый долгий поцелуй обрушился, разомкнул мои губы.

Я прижал её к стенке лифта, приподнял топ, стянул лифчик и завладел маленькой розовой грудью. Я мял и терзал её, сжимал и гладил, пока не насладился сполна ощущением упругих полусфер в своих ладонях. Затем я расстегнул джинсы, освободив давно уже напрягшийся член.

Она схватила его. Жадно. Как утопающий хватается за воздух.

Несколько лёгких и быстрых движений рукой, поцелуй — короткий и страстный, и вот, она уже сидит на корточках, обсасывая головку, проглатывая половину ствола и время от времени слегка поигрывая пальчиками, а я держу её за затылок, стараясь проникнуть глубже, глубже!

Она не дала мне кончить ей в рот. Будто почувствовав, что я уже почти готов, она поднялась и стала покрывать поцелуями мою шею, грудь, попутно расстёгивая рубашку, я схватился за застёжку её джинсов.

Она была не просто влажная — трусики можно было вижимать.

Я стащил её джинсы и трусики до самых лодыжек, затем ухватился за крепкую девичью попку и приподнял, давая ей возможность направить. Девушка аккуратно взяла член и ввела его.

Мы оба почувствовали сладость, прокатившуюся по позвоночнику. Наши рты наполнились слюной — так хорошо нам было в момент проникновения. Мы слились в поцелуе, я вдавил своё сокровище в стенку лифта и неистово задвигал бёдрами.

Она стонала, одновременно целуя меня. Нам обоим не хватало воздуха. Мы не могли удерживать наше наслаждение в себе, и оно вырывалось дикими криками, стонами и сбившимся дыханием. Мы кричали, вопили, и всё крепче прижимались друг к другу, слившись практически в одно единое целое.

Мы кончили одновременно, исторгнув обжигающие жидкости, наполняя друг друга бесконечным блаженством и счастьем. Я несколько раз дёрнул тазом, извергая остатки семени, прижимаясь к хрупкому телу ещё крепче, боясь потерять обрётшую плоть мечту.

— Я люблю тебя! — прошептал я, — Люблю тебя! Я! Люблю! Тебя!

— Да, да, я знаю, — зашептала она мне в ответ, — Я тоже тебя люблю!

Эти слова погрузили меня в головокружительный поток эйфории. Я был на седьмом небе от счастья.

Она любит меня! Любит! Я готов был пуститься в пляс. Но...

...пришло время расстаться.

Мы расстались молча, долгим поцелуем на её этаже. А потом я отправился к себе.

На следующий день моя любовь исчезла.

Я не встретил её утром у лифта, не встретил и вечером в фойе. Я понял, что с ней что-то случилось и спросил у Надин. Уродливая тётка равнодушно взглянула на меня и равнодушно выдавила, будто через силу:

— Они переехали. Кажется в Сен-Тропе...

Это убило меня.

В груди как-будто проделали гигантскую дыру, которую ничем невозможно было заполнить. Эта дыра болела, она терзала и мучила меня. И как только закончился курс, я отправился в свой родной городок, чтобы провести немного времени у родителей, зализать душевные раны и по-возможности забыть черноволосую дьяволицу — мою сбывшуюся мечту, мою потерянную любовь.

И как счастливая случайность, в нашем городке объявился Серж — мой друг детства.

Он был старше меня на два года, и давно уже бросил учёбу, а теперь занимался семейным бизнесом, приумножая и без того немалые капиталы отца.

Встретившись с Сержем, я рассказал ему обо всём, что со мной произошло. Он внимательно выслушал, покивал сочувственно и предложил отправиться в путешествие на его яхте. С ним ехали ещё пара его новых друзей, и маршрут обещал быть интересным: от греческих островов, вдоль побережья, до самой Португалии. Каждую ночь предполагалось останавливаться в новом городе, а затем от Альбуфейры взять курс на Нью-Йорк. Помимо прочего, Серж обязался оплатить за меня все перелёты, так как я фактически жил на шее у родителей.

Не долго думая, я согласился. Мне казалось, что это самый лучший способ заглушить изводящую меня боль.

Как только Серж закончил свои дела, мы собрались и сели на самолёт.

Серж сразу приметил, как хороша одна из стюардесс, и кивком предложил оценить её прелести.

Это была истинная француженка. Высокая, стройная, подтянутая, утончённая, благоухающая ароматами изысканных духов. Изумительное пшеничного цвета каре мягко удерживала в подчинении небесно-голубая пилотка. Небесно-голубым был и весь остальной наряд воздушной леди: строгий небесно-голубой пиджак, небесно-голубая юбка до середины бедра, и только блузка была ослепительно белой, как сверкающий на солнце снег. И под этой блузкой явственно проступала восхитительной формы грудь, на которую тарацились почти все мужики в самолёте. Такая грудь — объёмная и пышная, разбивала к дьяволу все стереотипы о француженках! И придавала изысканную пикантность облику стюардессы, который в эти стереотипы почти полностью укладывался.

Пикантности ей придавала не только нефранцузская грудь, но и странные звёздного цвета глаза, походившие на кошачьи. Объяснимый разве что азиатскими предками разрез этих дивных глаз, и славянская грудь превращали восхитительную небесную проводницу в самую желанную женщину на борту. Я никак не мог перестать смотреть на неё, да и не хотел переставать.

Напротив, всякий раз, когда я задумывался о девушке из лифта, и моё сердце сжималось болью, я старался пристальнее взглянуть в стюардессу и представлял её обнажённой, немного унимая потревоженную тоску. Время от времени стюардесса ловила мои взгляды и

удивлённо и смущённо отворачивалась.

Серж быстро уснул, а я всё так же занимал себя разглядыванием стюардессы, страшась сна, где мне снова явится черноволосая дьяволица, а по пробуждении моё сердце вновь будет разбито. Стюардесса проходила мимо меня и всё время мило улыбалась, хотя за её улыбкой явственно читались страх и сомнения. Волны тончайших ароматов, излучаемых ею, кружили мне голову, и постепенно у меня созрел довольно дерзкий план, который в любом другом случае не перерос бы простую фантазию. Но сейчас бездонная пустота внутри толкала меня на безумства в попытке заполнить её хоть чем-нибудь.

Я дождался, когда стюардесса снова пройдёт мимо, вымученно улыбнётся и отправится к хвосту, и двинулся за ней следом. Она исчезла за тёмной лиловой шторой, а я дождался, когда из туалета выйдет посетитель и, распахнув дверцу, остановился на пороге, как бы в сомнении разглядывая убранство.

Стюардесса выглянула через минуту и чуть было не вскрикнула от неожиданности.

— Простите, — самым невинным голосом сказал я, — никогда не летал на самолётах. Не понимаю, как тут и что.

На лице небесной леди мелькнуло облегчение — она поверила в мою ложь.

Она вошла в кабинку и стала показывать, где находится кнопка смыва, как включается вода, где взять одноразовую зубную нить, а я...

...шагнул за ней следом и закрыл дверь.

Стюардесса мгновенно замолчала.

Теперь я мог оценить её вблизи. Она была немного выше меня, и скорее рыжая, чем русая, а странный разрез глаз теперь выглядел истинно-кавказским. Курносый нос смешно морщился от набежавших раздумий, а розовые пухлые губы напряжённо сжались.

Ни слова не говоря, я расстегнул блузку и стащил почти прозрачный белый лифчик. Большие мягкие полусферы оказались у меня в руках, мой рот овладел розовыми сосками, и женщина, ни секунды больше не думая, расстегнула мои брюки и нащупала член.

Я посадил её на край раковины, она задрала юбку, сдвинула набок трусики и впустила меня. Пришлось зажать ей рот, чтобы она не вскрикнула.

Всё произошло очень страстно горячо и быстро. Не знаю, кончила ли она, но я разрядился по полной, излив до капли, что копилось во мне с того злополучного дня, когда девушка из лифта исчезла из моей жизни.

На прощание стюардесса подарила мне долгий чувственный поцелуй и что-то сунула в карман. Позже, уже сходя с самолёта я посмотрел, что это было: презерватив.

В греческом аэропорту нас встретил друг Сержа — темнокожий француз Мэтт. С ним мы добрались до побережья, а затем теплоходом отправились на остров, у которого была пришвартована яхта "Сан Сержио" — уж чего-чего а дурацкого чувства юмора у моего друга было в избытке.

Здесь на яхте нас ждали ещё двое: огромный мускулистый грек Параскевас и тощий жилистый

негр Кубхо. Все прекрасно владели французским, а так же английским и итальянским. Мне даже стало немного стыдно, потому что я знал лишь пару французских диалектов.

Мы немного выпили за встречу и разбрелись по каютам, намереваясь утром отправиться в путь.

Я никак не мог уснуть, вспоминая девушку из лифта, впадая в беспамятство и путая её со стюардессой в небесно-голубом, мучаясь от разрывающей грудь тоски.

Полная луна выплыла на небо, звёзды светили ярко и ясно, и мне захотелось пройтись, а потому я сошёл на причал и побрёл вдоль берега по холодному морскому песку.

Шёл я не меньше получаса. Приятный ветерок ерошил волосы, немного прохватывал прохладой, от чего по коже бежали весёлые мурашки. На горизонте показалось тёмное пятно рыбацкого городка, и я решил, что нет смысла идти дальше, сел на песок и стал глядеть на море, освещённое серебристым ликом Луны.

Шум переваливающихся волн и медленно ползущая по небу Луна успокаивали и даже усыпляли. Мои мелкие проблемы, моя нелепая любовь к девушке, с которой я даже толком не разговаривал, казались сейчас такими глупыми и пустыми. В сравнении с бесконечностью космоса, в сравнении с вечностью летящего в пространстве куска камня, чего стоят мои слабые трепыхания.

А море! Бескрайний простор, по которому мы собирались отправиться в путь. По сравнению с Морем — я лишь песчинка, а то и меньше. Глупо плакать из-за разбитого сердца. Тем более, что никто в этом не был виноват.

Что-то плюхнулось рядом со мной в песок. Я повернул голову и увидел девушку.

Гречанка с оливковой кожей в простом сарафане и босоножках, подперев голову рукой, смотрела на меня с серьёзностью горного орла, преследующего добычу. Тонкая, как тростинка, ещё тоньше Сен-Жерменских модниц, она чем-то напомнила мне Еву.

Я видел её угловатые коленки, тонкие бёдра, едва прикрытые подолом сарафана, хрупкие плечи, немного содрогающиеся от холодного морского ветра и ниспадающие по плечам кудрявые чёрные волосы, по которым так хотелось провести рукой.

Я придвинулся к ней ближе, и она не стала отодвигаться.

Может мне показалось, а может так всё было и в самом деле, но девушка слегка улыбнулась и сделала приглашающий жест. Я поцеловал её, нежно притянув за шею. Тонкая ладонь опустилась мне на плечо.

Девушка совсем не умела целоваться, но не сопротивлялась моему напору.

Я расстегнул сарафан, и он упал пёстрыми лоскутами на плоский животик, который тут же оказался в плену моих ладоней. Гречанка сняла с меня рубашку, а я стал ласкать её маленькую, почти незаметную грудь. Она застонала тихо, несмело, сквозь зубы. Тогда я поднялся и расстегнул штаны.

Под подолом сарафана не было трусиков, узкая греческая пещерка благодатным спазмом приняла меня, и мы задвигались молча вдвоём на морском берегу под полной Луной.

Её тонкие руки и ноги лозой обвили меня, стало жарко, почти невольно. Я работал с настойчивостью парового молота, то поднимая свою неожиданную любовницу на руки — и тогда мы делали это сидя, то падал на неё, и тогда мы вновь оказывались в первоначальной позе.

Мне с трудом удалось вырваться из объятий, чтобы вынуть и кончить на плоский животик морской нимфы, а потом я рухнул в небытие, и почти не помню, как вернулся на корабль.

Я проснулся поздно утром, незадолго до второго завтрака, и разбудили меня крики, доносившиеся с палубы.

На капитанском мостике не было никого кроме Мэтта, который хохотал, перевесившись через перила.

— Что случилось? — спросил я его.

— Да это какой-то мужик. Пришёл. Говорит, что кто-то вчера ночью трахнул его дочку. А Серж вчера накидался до потери пульса, и теперь не может вспомнить, он это был, или не он, — и Мэтт снова расхохотался.

А вот мне стало не до смеха.

— А что, — спросил я Мэтта, — дочка не совершеннолетняя?

— Понятия не имею, — Мэтт весело посмотрел на меня и захохотал ещё громче.

— Ну, молоток! — захлёбываясь вопил он и хлопал меня по плечу, — Ну парень!

— Надо сказать Сержу, что пора отчаливать...

— Ага-ага! — с хохотом Мэтт перегнулся через перила и заорал: — Серж, отплываем! Не спал ты с ней!

Все, кто был на палубе засуетились. Серж отдал швартовый, что-то крикнул мужику на причале, Мэтт завёл двигатели, на мостике появились Кубхо и Пари. Мэтт что-то сказал им по-английски, и все трое захохотали. Вскоре к нам присоединился Серж.

Взвыли натужно дизеля, набирая обороты, Мэтт дал гудок, и "Сан Сержио" лёг на курс. Мы, наконец, отправились в путь.

Тут Люк замолчал.

Солнце давно уже закатилось за горизонт, сумерки окутали город S., и лишь гирлянды фонарей, растянувшиеся вдоль побережья, освещали мощённые камнем прогулочные дорожки.

Только теперь я различил стоны, доносившиеся из соседних беседок. Молодость и жизнь брали своё.

— Кажется, я читал об этом твоём путешествии, — сказал я.

— Да, — кивнул Люк, — "Тысяча и один порт". Я написал эту книгу очень давно.

— А девушка из лифта?..

— Да, ты правильно догадался. Когда я встретил её в другой раз, она была замужем, растила ребёнка; слегка потолстела, слегка подурнела, но — чёрт возьми! — оставалась всё той же мечтой. Мы стали любовниками, потом она развелась с мужем, а через несколько лет я женился на ней. И до сих пор мы живём вместе. Я счастлив...

Снова Люк замолчал. Мне тоже нечего было сказать.

Мы оторвали свои стариковские задницы от лавки и медленно поползли в гостиницу. По дороге я рассказал Люку историю своих походов. Их было не так много, но они были столь же захватывающими, потому что тогда во мне кипели молодость и жажда жизни.

Единственное, что не давало мне покоя, пока мы шли по остывающему шумному берегу, так это слова Люка о счастье. Он и в самом деле был счастлив со своей женой. А я? Я прожил много лет, но все эти годы оставался бесконечно одиноким. И очевидно так мне было суждено покинуть этот мир. Старым дряхлым и одиноким.

Придя в номер, я отыскал заветную голубую таблеточку, потом позвонил по номеру, который выудил у щеголеватого портё, и стал ждать.

Сердце моё сжимала тоска...

<http://tl.rulate.ru/book/4289/153060>